

Уилфред ОУЭН

РЕПОРТАЖ С АНГЕЛЬСКОЙ ВЫСОТЫ

Выдающийся поэт Уилфред Оуэн (1893–1918) принадлежит братству «окопных поэтов» — так называют плеяду английских стихотворцев, участников Первой мировой войны. Причем Оуэн оказался самым «окопным» среди собратьев по перу, ибо его лирика так никогда и не вышла за пределы философски осмысленных военных впечатлений.

Тем не менее его творчество было по достоинству оценено современниками, которые отмечали, что «лишь Оуэн открыл, как из реальности ужаса и проклятий можно создавать поэзию». Ему были чужды и фронтовая романтика, и патриотический угар. Грязь, пот, кровь — вот что такое кровавая мясорубка «ради мира и свободы». Чтобы запечатлеть трагизм и абсурдность войны, он ввел в английскую поэзию консонансную рифму, а темой своих стихотворений сделал жуткие страдания людей, оказавшихся перед лицом смерти.

Его стихотворения актуальны и поныне. Достаточно вспомнить неожиданную для того времени документальную зарисовку поля боя, сделанную с высоты ангельского полета — с высоты беспилотника, какую сегодня мы ежедневно наблюдаем на телеэкранах. «Я — пацифист с острым чувством воинского долга» — так говорил о себе Уилфред Оуэн, который погиб в последнем бою Первой мировой войны, сражаясь до конца.

Стихи У. Оуэна на русский язык переводятся впервые.

ШОУ

С небесной вершины взирала душа моя вниз,
Не ведая, как и зачем вознеслась в вышину,
И видела скорбную землю, в испаринах слез,
Изрытую всюду воронками, будто луна,
Похожими чем-то на оспины, струпья, лишай.
А там, через бороду ржавых колючек, молчком
Ползли рядовые личинки, сродни червячкам,
Толкая себя, превращаясь в затычки траншей,
Где, вздрогнув от боли, они затихали ничком.
Другие тянули кровавые стежки вокруг
Сплошных бородавок — могильных чужих бугорков —
И прятались в норках, подальше от мрачных тревог,
Когда над землей восходила звезда, засверкав.
И запах от норок тянулся, зловонен и прян,
Как будто от гнилостных ртов или гнилостных ран.

Я видел, как ножками бурая мелочь сучит,
Стремясь к серой мелочи с рожками на голове,
Как будто вся тварь из кишаших зеленых болот
Обильные выводки выманила на траву.
И каждый друг друга снедал, истекая слюной,
И каждый искусанной в кровь извивался спиной,
Пока не стихал, выпрямляясь дрожащей струной.

И в ужас пришел я от этих уродливых сцен,
И вдруг закружился, как легкое перышко, вниз,
И верная смерть закружилась вослед, будто стон.
И бурый червяк, скрывший кровоподтеки свои,
Поскольку уже на рожон, рассеченный, не лез,
Мне ноги свои укороченные преподнес
И усекновенную главу свою — нет, мою.

ШАНСЫ

Я вечер перед этим шоу помню до сих пор.
Нас было пятеро, и был меж нами разговор:
«Все совершится завтра, парни. Выполним приказ.
Мы будем первую волною. Выбор пал на нас». —

«Ну ладно! — Джимми кое-что на свете повидал. —
Нас пятеро, и каждому Господь по шансу дал.
Кого-то вырубят, кого-то ранят в беготне,
Кого-то укокошат — на войне как на войне».

Сбылось: кого-то в рукопашной вырубил удар,
Кому-то ноги отхватил ретивый санитар.
Кому-то, как изволит выражаться джентльмен,
Не повезло однажды угодить в немецкий плен.
И только мне — ну хоть бы что. О Боже, исполать!
За Англию скажу Тебе спасибо вдругорядь.

Но бедный Джим — теперь ни жив, ни мертв. Увы,
Ему все шансы подарила эта кутерьма:
И кровь, и смерть, и плен — хватило выше головы.
А напоследок главное: наш Джим сошел с ума.

ДУШЕВНОБОЛЬНЫЕ

Кто они? Зачем томятся в полумраке
Эти мрачные виденья преисподней,
Слизистыми трепыхая языками
И ощерив отвратительные зубы?

Отчего такая жуткая тревога
Из глазниц полуизъеденных сочится,
Страшная стекает боль с волос и пальцев?
Мы — почившие и шествуем в геенну,
Но откуда эти злобные виденья?

— Здравый их рассудок мертвыми похищен,
Держит их за космы память об убийствах.
Многое безумцы эти повидали,
По болотам из тухлятины блуждая,
Хлюпя по гнойной слякоти кровавой.
Слышали они над бездной канонаду,
Видели ошметки мяса на деревьях,
Бойню и курганы умерщвленной плоти,
Что воздвигли ради мира и свободы.

Оттого их очи — яблоки глазные —
Отвернулись прочь, обратно закатились;
Ночь для них отныне дочерна кровава,
А заря открытой раной кровоточит.
Оттого их черепа таят ужасный,
Лживый образ улыбающихся трупов.
Оттого их руки дергают друг дружку,
Нервно теребя веревочную плетку,
И терзают нас, кто их хлестал жестоко,
Кто подсунул им войну и сумасбродство.

СМЕЙСЯ, СМЕЙСЯ, СМЕЙСЯ...

В том лазарете раненые, сбившись потеснее,
Читали вслух газету — за строкой строка,
Где крупный шрифт трезвонил про богатые трофеи,
А про потери мелкий шрифт нашептывал слегка.

На первой полосе раскинулась передовица:
«После войны мы будем возводить за домом дом!
Пока священная война с врагом не завершится,
Для нас куда важней соорудить аэродром.

Несправедливо будет позабыть бессмертных мертвых.
Они могли бы пожалеть, что полегли в бою,
Когда бы мы не получили мира и комфорта:
Нам надлежит обезопасить родину свою.

Хотя Победы все достойны, все ее растили,
Но мы, вершители судеб, хранители свобод,

Мы обманули бы самих себя, когда б забыли,
Что славен прежде тот, кто спас от гибели народ».

Народ? Какой народ? Видать, там, в Лондоне, рехнулись?
И только те, кто населял угрюмый лазарет,
По-заговорщицки друг другу молча усмехнулись,
Как будто им, единственным, известен был секрет.

Известно каждому, хотя никто не признается —
Есть две Британии: одна — в Британии живет,
Другая же, сбжав на фронт, — во Франции дерется,
Откуда пресса жизнерадостные снимки шлет.

И люди верят искренне усмешкам солдатни:
«Несчастные бедняжки, как же счастливы они!»

СМЕРТЕЛЬНО УСТАЛЫЙ

Он наземь осел, задыхаясь, как будто устал.
Тяжелый, лежал, как зловонного мяса кусок.
Никто не сумел растолкать этот жирный мешок.
На мой револьвер он с дурацкой улыбкой моргал,
Как будто не знал, что война полыхает вокруг,
Как будто не видел разбитых обстрелом траншей.
«Я сделаю их, — завывал. — Прогоню их взащей!
Убью, если сможет сражаться рука!»

И кто-то вполголоса нам, обозленным, сказал:
«Его боевая отвага покинула вдруг,
Когда он подумал о тех, кто в сраженьях не пал,
Кто нынче в тылу похохатывать не перестал
И кто его юной жене, самой милой из жен,
По дому и этак, и так помогать не устал.
Его англичанин рассудка лишил — не тевтон».

Тогда в лазарет мы его отнесли до утра.
Наверное, он — симулянт, наш болезный дружок?
«Как пить дать! — подмигивал мне санитар. — Есть грешок!»
А утром я слышал от доктора пьяный смешок:
«Мерзавец, доставленный ночью, скончался. Ура!»

ПРОВОДЫ

Молча придут они с разных сторон
На запасные пути,
Где дожидается их эшелон.

В каждой петлице белеет бутон,
Будто погост впереди.

Смотрит охрана на хмурый поток,
Нищий вздыхает старик,
Что прозевал Христа ради кусок...
В небе раздастся прощальный гудок,
Лампой взмахнет проводник.

Их в эшелоне отправят тайком,
И негде будет узнать,
Как они будут сражаться с врагом,
Спать под кустом, умирать под крестом,
Где напоследок лежать.

Только калеки вернутся домой
Ночью, на перекладных,
Чтоб проползти по деревне родной,
Вдоволь напиться воды ключевой,
Что из колодцев святых.

**Предисловие и перевод
с английского Е. В. ЛУКИНА**

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Петербургский поэт, писатель, переводчик, историк. Окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена. Работал учителем, журналистом, проходил военную службу. Автор около 40 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей. Лауреат ряда литературных премий.